

На завтрак подавали кашу из зелёного риса. Служанка подала первую чашку Чжоу Чжэню, он подул на неё, чтобы остудить, и передал Сюй Хуэйянь:

— Пожалуйста, кушайте.

Они были погружены в свою идиллию, когда внезапно пришло распоряжение из дворца. Бедный Чжоу Чжэнь не успел закончить завтрак и поспешил во дворец Цяньцин на аудиенцию.

Чжу Линсы, хотя и уснул прошлой ночью благодаря уговорам Лу Шэна, всё ещё был в ярости. Ночью у него начался жар, и утром Лу Шэн предложил вызвать императорского лекаря, но император отказался, настаивая на встрече с Чжоу Чжэнем. Как только тот появился, он спросил:

— Где был Се Цзин в прошлом году на Праздник середины осени, Чжоу Чжэнь, ты знаешь?

Чжоу Чжэнь сначала нахмурился, и Лу Шэн сказал:

— Господин Чжоу, это сложный вопрос, не так ли?

Усиленно моргая, он надеялся, что Чжоу Чжэнь скажет, что не помнит, и император оставит это.

Однако Чжоу Чжэнь хлопнул себя по бедру:

— Я помню это!

И мысленно похвалил себя. Затем он громко прочёл:

— С кувшином в руке ищу Линьинь под луной, ступая по волнам, пересекая девять мостов.

— Здесь говорится о том, как Се Цзюшэн напился и чуть не упал в воду, — сказал Чжоу Чжэнь, хотя он считал, что стихи Се Цзина были не очень хороши, но они были забавными, и он планировал включить их в свой ежегодный сборник стихов.

Он говорил с энтузиазмом, не замечая, что лицо императора изменилось. Чжу Линсы, стиснув зубы, спросил:

— Это...

Хотя в стихах уже упоминался Линьинь, Чжоу Чжэнь, видя, что императору нужна подсказка, несмотря на отчаянные намёки Лу Шэна, громко ответил:

— Цяньтан.

[Лу Шэн: Всё пропало.]

Чжоу Чжэнь, чтобы показать свою отличную память, добавил:

— Цзюшэн, находясь на юге, очень любил Цяньтан. В прошлом году на зимнее солнцестояние и этой весной он снова побывал там.

На лице Чжу Линсы постепенно появилась улыбка, но Чжоу Чжэнь почувствовал в ней что-то странное и тревожное.

— Похоже, в судебной системе Цяньтана есть что-то, что стоит изучить.

Услышав это, Чжоу Чжэнь почувствовал, как волосы на его теле встали дыбом. Он не ожидал, что обычно мягкий император может говорить так зловеще.

Это означало, что губернатор Чжэцзяна или генерал-губернатор Чжэцзяна и Цзянсу будут в беде? Или, может быть, управляющий Чжэцзяна или префект Ханчжоу?

Его мозг работал на полной скорости, а Чжу Линсы, очнувшись, понял, что сказал что-то не то, и поспешил исправить:

— Чжоу Чжэнь, не обращай внимания, это была моя ошибка.

Чжоу Чжэнь был в порядке, но если бы это услышал кто-то другой, это могло бы вызвать проблемы.

Когда Чжоу Чжэнь ушёл, Лу Шэн поспешил поддержать императора. Чжу Линсы упал на кровать, его руки и ноги были без сил. Горло болело, пульс бился быстро, а лицо и шея покраснели от жара.

Лу Шэн, видя, что ничего не помогает, решил вызвать императорского лекаря.

Как только дело касалось Се Цзина, ничего хорошего не происходило. Внутренний управляющий Лу Шэн мысленно проклинал Се Цзина, находившегося за тысячу ли.

После встречи с Чжоу Чжэнем у императора сильно болело горло. Когда лекарь выписал лекарство, император уже с трудом глотал воду.

Чжу Линсы с трудом принял лекарство, но категорически отказался от еды, даже от каши, что сильно беспокоило Лу Шэна.

Но это ещё не всё. Император не стал отдыхать, а вместо этого, с охрипшим голосом, жестами показал, что хочет переехать в другое место для сна. Он переехал из главного зала.

Западная часть дворца была местом, где часто бывал Се Цзин. Раньше, когда вечером запирали ворота, он оставался там на ночь. Чжу Линсы, естественно, не хотел туда идти, поэтому переехал в восточное крыло, приказал запереть главный зал и, держась за шею, тяжело дыша, наконец успокоился.

Он думал, что Се Цзин, чувствуя себя оскорблённым здесь, отправился к князю Ци, что показывало его истинные намерения. Хотел сказать: «Это действительно трогательно», но его рука дрожала от гнева.

На самом деле это было несправедливо. Се Цзин, прибыв на юг, сначала отправился в Цзиндэчжэнь. Ближе к Празднику середины осени, когда дела были завершены, князь Ци, узнав, что он покинул столицу, прислал письмо с приглашением.

В письме он красочно описал пейзажи озера Сиху, и Се Цзин, всегда мечтавший увидеть их, отправился туда верхом. Позже, на зимнее солнцестояние, он действительно был там, так как это было по пути домой. В Цзяннани у него был только один старый друг — князь Ци, и он заехал к нему.

На праздник Хуачао князь Ци действительно пригласил его, но Се Цзин, занятый делами, не

успел вовремя. Зная, что вскоре отправится на юго-запад и не увидит князя несколько лет, он поехал, чтобы попрощаться и извиниться.

Чжу Линцзин, желая узнать, зачем приехал Се Цзин, знал, что тот всегда был близок с императором. Се Цзин отдавал все свои силы, а император всегда поддерживал его. Он не мог понять, что могло заставить Се Цзина покинуть императора.

Когда заговорили об этом, лицо Се Цзина стало серьёзным, и он долго молчал, прежде чем вздохнуть.

Чжу Линцзин понял, что это, должно быть, связано с императором. Выросший в дворцовых стенах, он не верил в рассказы о поисках сокровищ или бессмертных.

Однако, какова бы ни была причина, он был рад, иначе Се Цзин не приехал бы к нему.

Се Цзин покинул столицу сначала из-за хаоса, в котором он не мог найти себя. Дело касалось чести императора, и его аморальные поступки не могли быть наказаны его учителем или обнародованы.

Даже император должен был сделать вид, что ничего не произошло, повысил его в должности и отправил в командировку, а зимой снова спросил, не хочет ли он вернуться в столицу.

Ответ императора, казалось, содержал интонации, его выражение лица и поза были такими ясными, как будто он только что написал письмо, подул на чернила и протянул его ему, его ясные и тёплые глаза полны надежды и беспокойства:

— Се Цзин, как ты думаешь...

Его голова чуть не взорвалась, и он изо всех сил отмахнулся от этих мыслей, не понимая, как он мог поступить так.

Единственное, о чём он пожалел, — это то, что перед отъездом не убил Лу Шэна, этого евнуха. Оставив его рядом с императором, он рано или поздно навредит. Се Цзин запомнил это и решил обсудить с Сюй Чэном.

Лу Шэн не знал, что стал объектом ненависти Се Цзина. Уговорив императора лечь спать, он отправился к вдовствующей наложнице Ван.

Когда он пришёл, Шан Мяочань служила перед наложницей, но её глаза были красными. Увидев Лу Шэна, она поспешила поклониться. Она присела в полуприседе, но Лу Шэн не протянул руку, чтобы поддержать её, вместо этого сказал:

— Девушка, ты слишком важная особа.

Шан Мяочань содрогнулась, отчаянно покачала головой и, сдерживая слёзы, сказала:

— Это... это император сказал мне больше не приходить...

Вдовствующая наложница Ван также сказала:

— Да, господин Лу, если император не хочет, мы ничего не можем сделать.

Она прожила жизнь, плывя по течению, но благодаря своей преданности хозяину, её старость была довольно благополучной. Она видела многое, и Шан Мяочань, с её скромным

происхождением и способностями, была явно недостаточна для роли императрицы. Если бы она действительно возмечтала об этом, но ничего не добилась, это бы разрушило её жизнь.

Если бы она не вошла в дворец, у неё не было бы хорошего брака. Её две старшие сводные сёстры: одна стала наложницей и умерла при загадочных обстоятельствах, будучи беременной, и подозревали, что это дело рук главной жены, но никто не защитил её.

Другая вышла замуж за мелкого чиновника из Управления городской гвардии, где её постоянно мучила свекровь, и она часто подвергалась побоям. Её муж, хотя и не пользовался уважением у начальства, был мастером в издевательствах над женщинами. Когда сводная сестра Шан Мяочань приезжала в родительский дом, она показывала ей свои облысевшие участки на голове, что вызывало у неё страх.

Вдовствующая наложница Ван думала, что она могла бы стать низкоранговой наложницей. Император был человеком с мягким характером и не стал бы плохо обращаться с ней, даже если бы позже появилась императрица. С её умением быть осторожной и уступчивой, она не вызвала бы зависти у высших особ.

Лу Шэн усмехнулся:

— Если бы это было так просто, зачем бы она была нужна.

Шан Мяочань уже упала на колени, дрожа, как осенний лист. Каждое слово Лу Шэна заставляло её содрогаться.

— Я боюсь... боюсь, что не смогу...

Лу Шэн сделал шаг вперёд, поднял ногу, чтобы ударить, но потом передумал.

— Я думал, что у тебя есть амбиции, но ты тоже оказалась тем, кем можно манипулировать. Я с добрыми намерениями вытащил тебя из грязи, а ты хочешь вернуться обратно.

Слёзы Шан Мяочань непроизвольно капали на пол. Лу Шэн ранее обещал ей многое: не только то, что она взлетит на вершину, и её мать будет уважаема отцом, а главная жена не сможет ей навредить, но и то, что её сёстры, погибшая и избиваемая, получат справедливость.

Она всегда была искусна в вышивке, и с тех пор, как Лу Шэн сказал ей об этом полгода назад, она с рассвета начинала вышивать орхидеи, пока глаза не закрывались от усталости, а пальцы не опухали от уколов. Но если императору это не нравится, что она могла сделать?

— Только и знаешь, что плакать, а толку от этого? — Лу Шэн смотрел на неё свысока. — Если ты и вправду станешь императрицей, будешь ли ты решать проблемы императора, только плача?

<http://bllate.org/book/16200/1454193>